

Марина Ясинская

— Ну, ко-отик, ну посмотри, какой он симпати-ичный. Ну давай ку-упим!

Нарядная молодая женщина капризно надувала губки и теребила за ушком невысокого мужчину с важной осанкой и солидным брюшком. «Котик» косил глазами в декольте юной супруги и обреченно вздыхал:

— Ну, Дульсинея, ну, лапочка моя, ну зачем он тебе? У нас ведь в доме и так полно слуг и големов, куда нам еще один?

— Да, но этот же совсем другой! Самая новая модель, такого еще ни у кого нет!

— Кхм, это как бы не совсем так, — смущенно, но все-таки решительно вмешался стоявший в двух шагах мастер Тельман. — У меня пока всего два экземпляра, но первый уже купили.

— Кто? — требовательно осведомилась супруга; капризные и игривые нотки в голосе сразу исчезли.

— Обер-градомейстер. Кстати, тоже по просьбе жены.

— Ко-отик! — возмущенно обернулась к супругу женщина. — Раз у этой стервы ободранной такой есть, то я тем более его хочу!

«Котик» метнул укоризненный взгляд на мастера Тельмана и обошел оставшийся экземпляр вокруг. Сзади и не отличишь от человека. А вот спереди разница уже заметнее — безволосая голова, на лице ни бровей, ни намек на щетину, зато темно-желтые глаза обрамлены густыми ресницами.

— И что же, это тоже голем? — с сомнением спросил «котик».

— Да. То есть — нет. Ну, не совсем. — Мастер смеялся, прокашлялся и взял себя в руки. — Понимаете, Елисей Матвеич, обычные големы — глиняные, а это — биоголем, он совершенно органистический.

— Органистический? Это как? Как то твое чудовище, что ты в прошлом году на выставке показал? Ну, то, которое ты из разных органов сшил?

— Певлин — не чудовище, — с достоинством ответил големщик. — Певлин — он просто первый эксперимент по оживлению органистических существ. А этих я не из органов собирал, этих я сразу, так сказать, целиком выращивал. В специально придуманной мной органистической купели. И вы только посмотрите, какие красавцы получились! — с законной гордостью закончил мастер.

Елисей Матвеич внимательно осмотрел неподвижно стоявшего лысого желтоглазого мужчину и вынужден был согласиться, что по сравнению со сшитым из разных органов Певлином биоголем — просто красавец. Впрочем, на фоне Певлина красавцем был даже он сам. А эта новая модель неплоха и без всякого сравнения.

— И как же этот твой биоголем называется?

— Гомункулус, — торжественно представил свое творение мастер Тельман.

— Ой, ко-отик, послушай, как звучит красиво! По-иностранным и так учено! — восторженно захлопала в ладоши юная супруга.

— Учено? — удивился «котик».

— Ну конечно, учено. Вспомни, сколько есть самых разных умных слов, которые тоже заканчиваются на «лус». Гладио-лус. Наути-лус. Э-э... хмм... фал-лус, — юная супруга зарумянилась, метнула взгляд на очень определенную часть тела биоголема и закончила: — Гомунку-лус.

— И что он умеет? — вздохнул Елисей Матвеич.

— Он будет уметь все, чему вы его научите.

— То есть?

— Он будет учиться всему, что ему покажут и расскажут. Если обычные големы после обжига уже ничему новому не научатся, кроме того, что чтецы начитали им, пока они еще были сырой глиной, то гомункулус будет постоянно развиваться, — объяснил мастер.

— И как ты будешь его использовать? — обратился Елисей Матвеич к юной супруге.

— О, я уверена, что найду ему применение, — ответила она, голодным взглядом рассматривая гомункулуса. Потом спохватилась, надула губки и ласково почесала супруга за ухом: — Ну, ко-отик, ну купи-и!

«Котик» вздохнул и отцепил от пояса кошель с монетами, признавая свое поражение.

Пятая общегородская выставка-продажа големов обернулась для мастера Тельмана полным триумфом.

— Ты их видел, Певлин? — довольно спрашивал он существо, разбиравшее выставочный киоск. — Ты видел, как они все перекошились, когда увидели моих красавцев? «Мастер Тельман уже не тот, его големы никому не интересны, он отстал от прогресса»... А вот вам всем!

— Гхмук, гхмук, — согласно ухало в ответ помогавшее ему существо. Оно было страшноватым: подволакивало одну ногу, сильно сутулилось и передвигалось приставным шагом. Редкие волосы почти не прикрывали шрамы на шишковатом черепе, лицо пересекали неровные рубцы, левый глаз время от времени нервически подергивался.

— Обоих сразу же купили — и кто! Обер-градомейстер и первый статс-деньгарий! — радовался мастер. — К ним в гости будут приходить самые важные чины города, рассматривать моих гомункулусов и спрашивать: «А где это вы их приобрели?» А потом пойдут ко мне!

ФАНТАСТИКА

— Гхмук! — радостно ухал Пиблин, расплываясь в счастливой улыбке, которая жутковато смотрелась на его раскроенном лице.

Мастер Тельман довольно потирал руки. Когда-то давно он был не просто самым талантливым — он был первым големщиком. Это он обжег и оживил самого первого глиняного человека, который умел носить тяжести и рубить дрова. Это он, мастер Тельман, первым стал использовать чтецов для того, чтобы закладывать в големов навыки и знания. И даже покрывать големов розовой глазурью и цветочной росписью, чтобы их охотнее покупали домохозяйки, — это тоже придумал он.

Долгое время мастер Тельман оставался единственным големщиком города. Как только стало понятно, что голем может делать любую физическую работу, причем делать ее лучше человека, поскольку не жалуется, не болеет и никогда не устает, заказы потекли в мастерскую рекой.

Мастер Тельман нанял себе две дюжины помощников-подмастерьев и какое-то время процветал. Однако, к сожалению, он ничего не знал ни про хватенты, ни про ремесленную тайну. Он не догадался оформить хватент, чтобы сохранить право на производство големов за собой. А когда один из его подмастерьев, вызнав все о том, как изготавливаются глиняные люди, продал эти сведения каким-то ушлым дельцам, мастер не догадался немедленно пожаловаться страже на нарушение ремесленной тайны.

И вышло так, что уже через какие-то полгода в городе открылось еще с дюжину големных мастерских. Сначала там делали самых обычных големов, что не представляло для мастера Тельмана серьезной угрозы. Ведь на стороне големщика было известное имя, поэтому покупатели по-прежнему предпочитали его продукцию.

Однако конкуренты не стояли на месте. Уже на второй общегородской выставке-продаже големов мастера из «Ефим и Ша» (то есть Шайка) представили первых специализированных големов. У мастера Тельмана големы были широкого профиля, потому как сидевшие над жидкой глиной чтецы читали одну и ту же общую инструкцию. А у «Ефим и Ша» чтецы читали разные талмуды: над одной жидкой глиной — про строительство мостов, над другой — про укладку дорог, над третьей — про горные работы. И расчет оправдался: если продавали голема, который специализировался на какой-то нужной клиенту работе, то покупатель предпочитал именно такого.

На третьей выставке новая мастерская «Я голем» показала первых человекоподобных големов, вылепленных по пропорциям настоящего человека. Домохозяйки тут же забыли про тельмановские товары в розовой глазури и бросились покупать себе такую модель.

Наконец, на прошлой, четвертой выставке произошел окончательный крах мастера Тельмана. Поняв, что проигрывает конкурентам, он попытался создать принципиально новую модель голема — органистическую. Из разных органов сшил человека и сумел его оживить. Окрыленный успехом, он представил

свое создание на выставке, но покупатели не разглядели за неприглядной внешностью жутковатого создания ни его потенциала, ни доброты. Мастер Тельман вздохнул и, признавая, что первый блин вышел комом, оставил его себе. Оставил и так и окрестил первенца — Пиблин. Это сокращенно означало «первый блин».

Потом мастер Тельман мрачно наблюдал за успехом еще одной новоявленной големщицы — Соньки. Сонька презентовала на выставке голема-собаку. Никому еще не приходило в голову создавать глиняных домашних животных, и мастер Тельман даже снисходительно фыркнул — пользы от такого голема никакой. Но спрос на Сонькину собаку оказался сумасшедшим: многие родители тут же захотели купить живую глиняную зверушку своим детям.

В общем, из года в год дела мастера Тельмана шли все хуже и хуже. В его лавке больше не толпились покупатели, мастерская частенько простаивала без дела. Големы мастера Тельмана считались скучными, устаревшими и теперь, когда на рынке появлялось столько новых моделей, не вызывали никакого интереса...

Однако сегодня — сегодня мастер Тельман доказал всем, что его еще рано списывать со счетов! Его гомункулысы произвели полный фурор, у него уже дюжина заказов. И то ли еще будет!

Только надо завтра же оформить на гомункулусов хватент.

— Гришка! Плишка! — радостно воскликнул мастер Тельман при виде двух пятилетних сорванцов, врывающихся в его мастерскую.

— Деда Тельман! — закричали хулиганы, повиснув на дедушке. — А где Гхмук?

— Сколько вам говорить — Пиблин его зовут, Пиблин, — с улыбкой поправил их мастер.

Как всегда, при звуке своего имени появился Пиблин. Увидев близнецов, расплылся в своей жутковатой счастливой улыбке, а мальчишки завизжали от восторга и запрыгнули на скособоченное существо. Пиблин неловко обхватил их неуклюжими руками и проухал:

— Гхмук! Гхмук!

Мастер тем временем повернулся к зашедшему в мастерскую сыну.

— Слышал, дела у тебя опять в гору идут? — с улыбкой спросил Корней.

Решив не следовать по стопам отца, сын стал врачом и преуспел настолько, что несколько лет назад даже купил для своей семьи отдельный дом. Но в гости навещался регулярно и нередко оставлял своих близнецов ночевать у дедушки — мальчишки обожали проводить время в големной мастерской.

— В гору, — довольно подтвердил мастер. — Заказов не счесть, вот, даже думаю пятую органистическую купель ставить.

— Пап, а покажи их мне! Ходят слухи, что они прямо как люди.

— Ну пойдем, сам посмотришь, — предложил мастер и повел сына на кухню. Там, дожидаясь своих

покупателей, за столом сидело четверо желтоглазых гомункулусов. При виде Тельмана с сыном они хором сказали:

— Здравствуйте, уважаемые!

— Ого! — Корней остановился, пораженный. — Они и говорить умеют!

— Они учатся всему, что видят и слышат, — гордо сказал големщик. — Вот, пока дожидаются своих покупателей, я их немного подучил вежливости.

Сын нахмурился:

— Учатся всему, что видят и слышат? Это ведь опасно!

— А что в этом опасного?

— Ну, вот представь, что они слышат только ругательства. Или смотрят, как кто-то кого-то бьет. Чему они научатся тогда?

— Да кто же их станет такому учить? — ответил мастер Тельман, но в его голосе не слышалось убежденности.

— Да хозяйева и станут. Вот эти четверо — они для кого?

— Один — для штатс-советника Крюева, другой для ростовщика Воронина, а двое — Большому Панкрату.

— Один знатный шпион, один жадный хапуга и один важный преступник, такой важный, что его в тюрьму посадить бояться! — Сын покачал головой. — И чему, как ты думаешь, они научат своих гомункулусов? Один — подслушивать и вынюхивать, второй — обирать людей и выбивать долги, а третий — убивать.

Мастер Тельман растерянно молчал.

— Вот попомни мое слово, — продолжил Корней, — Сначала хозяйева их плохому научат, потом гомункулусы натворят кошмарных дел, а виноватым в итоге окажешься ты.

«Котик» вернулся в мастерскую Тельмана уже буквально через неделю, таща за собой гомункулуса.

— Это что за безобразие ты мне продал? — раскричался штатс-денегарий.

— А что случилось, ваше превосходительство?

— Высокопревосходительство, — строго поправил Елисей Матвеич и подтолкнул гомункулуса к големщику. — Ну-ка, Моня, поздоровайся с создателем!

Гомункулус скривил губы в двусмысленной улыбке и сказал:

— Вот мы и опять встретились, мой тигрище!

— Ну и как ты это объяснишь? — наставил на мастера свой толстый палец Елисей Матвеич. — Я его после покупки, считай, и не видел, а тут столкнулся с ним на днях в доме, а он только так и разговаривает. Что это такое, я тебя спрашиваю?

Мастер Тельман немедленно взмок:

— Понимаете, выше высокопревосходительство, гомункулусы учатся тому, что наблюдают в своем окружении. Значит, он регулярно слышит что-то... такое...

— Хочешь сказать, он подслушивает, как служанки со слугами ругаются?

Гомункулус Моня тем временем оценивающе провел рукой по низкому, широкому прилавку и выдал:

— Тут мы еще не пробовали!

Мастер Тельман замаялся — говорить правду было страшновато.

ФАНТАСТИКА

А гомункулуса несло:

— Твой ко-отик может поцарапать коготками и поурчать в ушко!

Елисей Матвеич налился свекольным цветом и, задыхаясь, прошептал:

— Так это же Дульсинейя моя всегда мне так говорит, когда мы с ней... — Мастер Тельман в ужасе прикрыл глаза, ожидая взрыва, а тот закричал: — Ах ты, гомункулина похотливая, ты что же творишь! — И замахнулся на Моню: — Да я ж тебя!

— Ваше высокопревосходительство, — не выдержал мастер Тельман, — обвинять гомункулуса нет смысла, он же не сам, он же только повторяет то, чему его научили.

— Выходит, это Дуська его научила? — Штатс-денегарий как-то сразу сник и надолго замолчал.

Мастер Тельман ожидал, что Елисей Матвеич прикажет избавиться от гомункулуса или лишит его определенного органа, а то и вовсе потребует забрать обратно и деньги вернуть. Но он никак не ожидал, что Елисей Матвеич окинет Моню пристальным, оценивающим взглядом и спросит големщика:

— А бабу такую для меня смастерить сможешь?

Генерал-аншеф Собольков приобрел у мастера Тельмана двух гомункулусов еще в первые дни после выставки-продажи, а месяц спустя пожаловал с личным визитом.

— Хорошие штуки эти твои биоголемы, мастер! — довольно пророкотал он вместо приветствия. — Ни один вымуштрованный солдат не сравнится! Все команды — четко, без раздумий. Все приказы — немедленно и без сомнений. И главное, ничего не боятся! Скажешь им — в штыковую, они — в штыковую. Скажешь им своей грудью от картечи прикрыть — они прикроют. Загляденье, а не вояки! Нам бы таких еще тройку дюжин, потом их с самого начала обучить как надо — у обер-градомейстера такая гвардия была бы!

— Три дюжины? — растерялся от размера заказа мастер Тельман.

Но генерал-аншеф не услышал вопроса големщика; ему вдруг открылись новые, совершенно грандиозные перспективы, и он был полностью захвачен ими:

— А если таких не три дюжины вырастить, а десять дюжин? Это же целая рота идеальных солдат! Да что десять дюжин? Сто — и вот тебе полк! А еще лучше — целая армия! Да мы ж с такой армией — весь мир!

Генерал-аншеф пришел в страшное возбуждение и повернулся к големщику. Мастер Тельман, уже почуявший, куда ветер дует, аж немного присел. А генерал продолжал:

— Мастер Тельман, как насчет армии из твоих биоголемов? Ну или для начала — хотя бы полк?

— Выше высокоблагородие... превосходительство... высокопревосходительство... Да у меня ж всего пять органистических купелей. Вырастить гомункулуса — это недели две, я вам при всем желании так много произвести не смогу.

— А я у казны затребую субсидий. Чтоб, значит, тебе денег дали на полсотни этих твоих купелей. Так дело-то быстрее пойдет! — И, не увидев радости на озабоченном лице мастера, генерал-аншеф добавил: — А ты будешь... как же это?.. ну, особенный... ну... эксклюзивный производитель. Ты хоть понимаешь, как ты разбогатеешь?

— Понимаю, — машинально отозвался мастер Тельман. Он будто попал в плен пугающего видения: армия послушных гомункулусов, наученных ничего не бояться и никогда не отступать, марширует от города к городу, сметая все на своем пути.

— И я вот что еще тут подумал, — продолжал возбужденный генерал-аншеф. — Мастер, а можешь ты над гомункулусами своими еще поколдовать, чтобы они выходили у тебя огнеупорные и картеченепробиваемые, не то что обычные глиняные големы? И чтобы могли очень чутко слышать, очень зорко видеть и очень тихо ходить. И чтобы двигались гораздо быстрее людей. Я б из них такую разведку организовал — ах!

В видении мастера армии марширующих гомункулусов сменились отрядом огнеупорных, зорких, быстрых биоголемов, незамеченными проникающих во вражеский лагерь и вырезающих стражу... а потом и весь лагерь.

Мастер Тельман вздрогнул — он почему-то не подумал о том, как могут пригодиться его гомункулусы на войне.

Пару месяцев спустя у мастерской Тельмана стали регулярно околачиваться какие-то странные личности с невнятными плакатами, называющие себя активистами. Они забрасывали дверь мастерской тухлыми яйцами и помидорами, мазали ступени коровьими лепешками, а когда любопытствующие прохожие пытались дознаться, в чем дело, отвечали:

— Простому, честному работяге из-за тельмановских гомункулусов скоро работу будет совсем не найти. Теперь везде будут брать биоголемов, нас погонят, и что нам тогда делать — с голоду умирать? А детишкам нашим? Вот и мы протестуем против выпуска гомункулусов.

Вероятно, активисты вызывали бы больше симпатии и сочувствия, не рази от них самогоном и не признай народ среди них известных пьяниц, бездельников и пустобрехов, которых работающими никогда и не видели.

И все же, наслушавшись бездельничающих около мастерской активистов, кое-кто начинал беспокоиться. Ну и что с того, что обычные големы уже давно существуют, а работы для людей по-прежнему хватает? Ну и что с того, что еще никто из-за гомункулуса не потерял работу? А вдруг это все-таки случится?

Мастер Тельман не любил, чтобы гомункулусы задерживались в мастерской: он к ним слишком быстро привязывался, давал им имена и расставаться с ними потом было тяжело. Вот и веселого добродушного Яшку, которого заказал себе какой-то богатый купец, но потом раздумал покупать, продавать было жалко.

Яшка прожил в мастерской почти три недели, помогал по хозяйству, сдружился с Пемблином, пристрастился к волшебным историям, которые по вечерам мастер рассказывал внукам, если они ночевали у деда. И когда в один прекрасный день в лавке появился разодетый скользкий тип, представившийся тайным советником Типуновым, мастер продал ему Яшку скрепя сердце и прятал глаза от грустного, тоскливого взгляда гомункулуса, когда новый хозяин выводил его из мастерской.

А еще через две недели глубоким вечером кто-то тревожно постучал в дверь черного входа дома мастера, то есть той, что со двора. Открывать пошел Пемблин. Там он испуганно заухал: «Гхмук! Гхмук!» — и мастер Тельман тут же явился на шум. И замер от неожиданности: на пороге стоял Яшка — грязный, осунувшийся, в лохмотьях, синяках и каких-то подозрительных бурых потеках.

Увидев мастера Тельмана, гомункулус бухнулся на колени:

— Все, что захотите, делать буду, только не возвращайте!

Из сбивчивой речи вздрагивающего от каждого звука и резкого движения Яшки мастер Тельман постепенно составил себе примерную картину случившегося и в конце концов тихо пообещал гомункулусу, что никому его не отдаст.

Мастер вышел на кухню, попросил Пемблина принести ему чарку водки и тяжело осел за столом. Прежде он слышал, конечно, как благородные господа развлекаются, слышал про разные вертепы и про тайные сообщества, на которых балуются черной магией, замышляют государственные заговоры и вообще творят разные непотребства. Слышал, но верить не торопился. Однако теперь, после истории с Яшкой!..

И мастер Тельман просто вскипел. Да разве можно так с живым существом? Животину домашнюю — и ту жалко, а гомункулус ведь совсем как человек: он все понимает и все чувствует. А то, что он все-таки биоголем, а не настоящий человек, — ну и что с того? Иной гомункулус еще получше человека будет. Да что гомункулус — даже его странный Пемблин куда больше человек, чем хотя бы Яшкин владелец!

Скособоченный Пемблин заметил, что хозяин застыл с чаркой в руке, в ярости глядя на огонь в камине. Пемблин неловко присел на корточки, заглянул в лицо мастеру и встревоженно ухнул:

— Гхмук?

Как нарочно, следующим же утром к безработным активистам, целыми днями околачивающимся без дела у мастерской Тельмана, присоединились шумные, воинственно настроенные женщины из недавно созданной ассоциации защиты големов и гомункулусов (сокра-

ценно — «Го-Го») и принялись протестовать против жестокого обращения с теми, за которых ратовали.

После вчерашней истории мастер Тельман разделял их протест всем сердцем и душой. А вот народ, проходивший мимо, слушать дамочек слушал, но особого сочувствия и понимания не выказывал. И тогда, чтобы привлечь внимание к проблеме, женщины решились на радикальную меру: они запели — прямо на людной улице! — непотребную песенку и при этом плясали, непристойно задирая юбки.

Радикальная мера сработала: дамочки привлекли даже больше внимания, чем рассчитывали. Правда, внимания не к проблеме, а к ним самим, поскольку до самого вечера город обсуждал только выходку женщин (пение и непристойности), напрочь забыв о главной причине, ради которой они затеяли свои песни и пляски.

Мастер Тельман, еще поутру собиравшийся присоединиться к ассоциации, после принятой дамочками радикальной меры испугался. Ну да, а вдруг и ему придется плясать, приспустив портки? И раздумал присоединиться.

Тайный советник Типунов заявился в мастерскую ближе к вечеру. Не появлялся ли Яшка, спросил он.

Когда мастер Тельман, сделав невинные глаза, поинтересовался, что случилось, тайный советник смерил его недовольным взглядом и сказал:

— С гнильцой у тебя товар, мастер! Хорошее имущество от своего хозяина не бегают.

«От хорошего хозяина, может, и не бегают», — очень хотел ответить мастер Тельман, но промолчал. Типунов — хоть и гнусное, но все ж таки его превосходительство, а простому смертному лучше не говорить правду о них самих превосходительствам и прочим высокородиям — осерчают.

Вслед за активистами и дамочками из «Го-Го» в один прекрасный день у мастерской появились церковники. Бородатые, округлые, они под угрозой анафемы потребовали прекратить производство гомункулусов, потому как мастер Тельман, считай, создает жизнь, а это кощунственно и противоестественно, ведь творить жизнь — прерогатива Бога.

С прерогативой Бога мастер Тельман был не совсем согласен. Люди испокон веков рожали детей, создавая таким образом жизнь, и Бог, похоже, был не против. Да и к големам претензий тоже пока не было, а они ведь хоть и глиняные, но все равно живые.

Однако в глубине души мастер понимал, откуда идет беспокойство. Глиняный голем — это одно, а органистический гомункулус — совсем другое. Он вроде как взрослый, но, по сути, — ребенок: не знает разницы между хорошим и плохим, пока не объяснишь. А что, если объяснят неверно? Ребенок-то что, он много вреда не принесет, он ведь маленький. А вот гомункулус может натворить тех еще дел! Совсем как взрослый человек...

То, что должно было случиться, случилось — гомункулус убил человека.

ФАНТАСТИКА

Да, все знали, что тот биоголем принадлежал Большому Панкрату, знали, что Панкрат за человек и чем занимается. Знали, что убитый тоже был преступником и что между этими двумя издавна шла вражда. Понимали, что Панкрат просто использовал гомункулуса, как использовал бы меч или арбалет. Или наемного убийцу.

Каждый из собравшихся у тела людей это понимал — но только поодиночке. Стоило образоваться толпе, и от понимания не осталось и следа.

— Караул! Убивают! Гомункулусы людей убивают! — заголосил кто-то. И запалил пожар народной истерики.

Толпа тут же припомнила, что из-за гомункулусов честные люди теряют работу, что церковники называют биоголемов существами не богоугодными и противоестественными. И что по сравнению с обычными големами эти гомункулусы больно умные, а ум, как известно, не к добру, от ума всегда одни беды. Например, посидят эти гомункулусы, посидят да и решат, что не будут больше слушаться своих хозяев, — что тогда? Вот, уже одного убили, и то ли еще будет!

Не прошло и нескольких минут, как потерявшая остатки здравомыслия толпа уверилась в великом заговоре гомункулусов против людей и рванула к мастерской Тельмана, намереваясь стереть ее с лица земли. А заодно и изничтожить всех гомункулусов, что есть в городе, — в превентивных целях.

Толпа растерзала попавшегося на пути биоголема, гулявшего с детишками коллежского ректора. Потом разорвала нагруженного продуктами гомункулуса, возвращавшегося с рынка к хозяину в известную своими кулинарными шедеврами таверну. Потом едва не растоптала лысого и тем немного похожего на гомункулуса аптекаря — тот чудом вырвался.

И толпа не успокоилась. Только захотела большего.

— Бежать вам надо, — настойчиво повторил Яшка, прислушиваясь к доносившимся издали крикам. — Бежать, пока они еще далеко.

— Гхмук! — подтвердил Пемблин.

Мастер Тельман только отмахивался:

— Я отсюда никуда. Тут все дело мое — не брошу!

И как ни умолял Яшка, как ни ухал просительно Пемблин, мастер Тельман стоял на своем.

— В подпол спрячьтесь! — приказал он, когда толпа показалась на их улице. — Мне-то они ничего не сделают, они ж все меня знают. А вот вы — вам укрыться надо...

ФАНТАСТИКА

Мастер Тельман был прав — его действительно знал каждый горожанин. Но он совершенно не подумал о том, что толпа — совсем не то же, что отдельный человек. Она не слушает, не узнает и не понимает. И порой совершает такое, на что один человек ни за что не пошел бы.

Големщик встретил горожан, смело стоя в дверях мастерской. Он даже приготовил небольшую речь и собирался обратиться с ней к толпе, но не успел — народ был слишком распален, чтобы слушать, а тем более понимать.

Толпа волной хлынула в дверь, снося мастера Тельмана с пути. И наверное, затоптала бы его насмерть, не выскочи ослушавшийся приказа хозяина Яшка и не подними мастера Тельмана на ноги.

— Гомункулус! — заорал народ и бросился на Яшку, пока тот отчаянно прикрывал собой хозяина.

Десятки рук ухватили Яшку и оторвали от мастера Тельмана. И пока толпа отвлеклась на гомункулуса, к ним неуклюже выбрался Певлин. Тихо ухнул «Гхмук» и заторопился нескладным приставным шагом к големщику. Ухватил его, оглушенного, за руку и скорее потащил за собой, прочь из мастерской.

Мастерская горела долго и ярко; огонь унялся к вечеру, и вместе с ним унялась ярость толпы. Люди словно просыпались после страшного сна и недоуменно оглядывались, а потом испуганно смотрели друг на друга, как бы спрашивая: «Неужели это все мы?» И, стыдливо отводя глаза, расходились.

К вечеру прибежал перепуганный сын Корней. Устался на догорающую мастерскую и в ужасе схватился за голову:

— Папка, да как же это, а?

— Гхмук, — тихо ухнул кто-то сзади.

Корней обернулся и вздрогнул, увидев испачканного гарью Певлина. Тот ухватил его за руку и потянул за собой.

Певлин привел Корнея в тихую подворотню неподалеку. Там, прислонившись спиной к забору, сидел на земле мастер Тельман.

Корней облегченно выдохнул и бросился к нему:

— Пап, ты как?

Мастер не ответил. Он смотрел куда-то, в ему одному видимую точку, и то горестно бормотал, то яростно восклицал:

— Ах, вот вы как, значит, да? Ну, погодите, я такого гомункулуса выращу, что вам мало не покажется!.. А Яшку, Яшку-то за что?.. Армию! Целую армию!.. Слезами, коровью умоетесь!

— Пап! — Корней осторожно потряс мастера за плечо.

Големщик медленно сфокусировал взгляд на сыне и спросил:

— Зачем они так, а?

Корней пожал плечами и присел рядом. Он прекрасно понял вопрос.

— Испугались, наверное, — предположил сын.

— Чего испугались-то? От гомункулуса ведь столько пользы, если его научить правильно! Вон, возьми хоть Яшку. Или Певлина.

— Ответственности испугались, вот чего. Мы ведь, по сути, как они: если нас правильно научить, тоже будем очень полезными. Ну а если неправильно, то ужас что натворить можем! Отсюда и страх — мы ведь себя знаем как облупленных, знаем, на что мы способны. А ну как насмотрятся они на худшее в нас и станут повторять?

— Может, ты и прав, — согласился мастер Тельман. Ярость в глазах потухла, он как-то сразу сник и надолго замолчал.

Не зная, как заполнить тишину, Корней несколько раз прочистил горло и наконец сказал:

— Ты не расстраивайся, отстроим мы твою мастерскую. Только... наверное, гомункулусов тебе лучше не создавать.

— Наверное, — печально отозвался големщик. Ему так не хотелось расставаться с самым лучшим, самым удачным своим творением, которое могло бы принести людям столько пользы! Потом он вскинул глаза на сына и с отчаянием спросил: — Неужели все это было зря?

Корней на миг растерялся, но тут выручил Певлин. Он неловко присел перед мастером Тельманом на корточки, заглянул в лицо и, покачав головой, с чувством ухнул:

— Гхмук!

И расплылся в доброй улыбке, жутковато смотревшейся на его раскроенном лице.

